

Валерий Сафронов

ПОДВОДНАЯ ЧАСТЬ АЙСБЕРГА

18+

Валерий Фёдорович Сафронов

Подводная часть айсберга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63805556

SelfPub; 2021

Аннотация

Несколько забавных историй о том славном времени, когда мы ещё были молоды, и, как ни странно, слепо верили в светлое будущее, которое почему-то так и не наступило.

Валерий Сафронов

Подводная часть айсберга

ТРИ СОВЕТСКИХ СТУДЕНТА.

Студенты Гигиенического факультета – армянин, грузин и русский, субботним вечером отправились в ресторан. В былые времена, имея пять рублей, можно было нормально поужинать и выпить, между прочим, неплохо. С червонцем же ты вообще был финансово горд и независим, и мог заказать своей девушке бутерброд с икрой, шампанское и мороженое.

В общем, отдыхали они, эти три студента, за отдельным столиком, потихонечку выпивали, понемногу закусывали, поглядывали на лиц противоположного пола. Когда заиграли белый танец, к ним подскочили две девицы, по виду работницы с фабрики «Красная нить», цветущие, политически грамотные ткачихи. Они пригласили грузина и русского, армянин остался на месте. Он развалился в кресле, закинул ногу на ногу и, покуривая «мальборо», стал крутить на безымянном пальце перстень.

Слово за слово, русский разговорился со своей партнёршей, грузин вроде помалкивал. Между прочим, партнёрша спросила русского о его приятелях. Кто, мол, они такие, случайно не иностранцы? Русскому было и скучно, и груст-

но... накануне он поссорился со своей любимой девушкой, и чтобы как-то встряхнуться, стал плести какую-то чушь про то, что приятели его – эпидемиологи из Италии, приехали в Ленинград на симпозиум, а он – аспирант института Гриппа – их российский гид. И вообще сегодня он очень устал, поскольку с раннего утра показывал зарубежным гостям город со всеми его достопримечательностями, где они только не были, а сейчас вот зашли поужинать. Партнёрша выпучила глаза, и, потеряв к русскому всяческий интерес, принялась разглядывать армянина с грузином. Когда наступила музыкальная пауза, русский сел за столик и ввёл приятелей в курс дела. Те оживились.

– Как говорят в Италии? – спросил грузин, – С каким акцентом?

– Ваймэ! – сказал армянин, – Уж явно не с твоим акцентом, Нугзар! Так что ты лучше помалкивай, а разговаривать буду я: дольче бамбино, рагацци, удинезе-кремонезе, интернационале, беля чао! Ну как?

– Прекрасно! – сказал русский, поглядывая на соседний столик, за которым симпатичные ткачихи оживлённо обсуждали услышанную от него новость.

– То, что надо, Сурен! Ты разговариваешь, как неаполитанский мачо.

– Витя, а что он сказал? – не понял грузин.

– Перечислил названия итальянских футбольных клубов.

– Ва! И я так могу: Гурия Ланчхути, Динамо Тбилиси, Торпедо Кутаиси!

Сурен захихикал, а Витька заметил:

– Не стоит, Нугзар. Лучше уж будь молчуном. Это романтичнее.

– Пачэму?

– Потому что у вас в Палермо всё так ходят!

Нугзар кончиком ногтя снял белую нитку с рукава кожаного пиджака.

– Палэрмо?

– Это в Сицилии, биджэ, не слышал? – снова захихикал Сурен и поправил на шее цепь из жёлтого металла.

– Всэх зарэжу! – Нугзар схватил столовый нож и наколол

на него кусок хлеба.

Девицы едва дождалась следующего танца. Оркестр не успел ещё толком грянуть про то, что: «У нас молодых впере-реди года, и дней золотых много для труда!», как Сурен и Нугзар были сметены со своих мест двумя особо бойкими барышнями, а к Витьке, похоже, утратился интерес. Ему да-же стало обидно. «В конце концов, и я мог выдать себя за итальянца. Допустим из Милана... мой папа – концертмей-стер из театра Ла Скала, а мама... кто же у меня мама? Ах, да! Мама служит в отделе кадров. Интересно, есть в театре Ла Скала отдел кадров?» Витька посмотрел на свои скоро-ходовские штиблеты и вздохнул. «Какой, на фиг, папа-кон-цертмейстер?! Да и денежки уже тютю, всему есть предел, сколько же можно пить за чужой счёт...»

Витька посидел-посидел, опрокинул рюмку, закусил сто-личным салатом. Затем выкурил сигарету из суреновой пач-ки и отправился в гардероб, по дороге ловя себя на мысли, что внимательно слушает идиотскую песню о том, как «наши руки не для скуки, для любви сердца, для любви сердца, у которой нет ко-он-он- ца-а!»

Утром позвонил Нугзар.

– Слуший, брат, выручай! Мы толко из милиции. Кафе «Уголок» знаешь на Лиговском-шмыговском?!

Нугзара перебил Сурен:

– Да не «Уголок», а «Уголёк»! Прямо за углом... ай-яй-яй! Надо 100 рублей, а где их брать?!

– А я-то, откуда возьму?

– Займи у кого-нибудь... может, у мамы? Через три дня отдадим.

– И что я ей скажу?

– Скажи, что у Нугзарчика бабушка заболела...

– Думай, что говоришь, э-э?!

В трубке что-то шипело, гудело и ухало.

– Витя, генацвале, у Сурена калцо забрали и цеп! В милиции сказали, что своровал. Слуший, какой своровал?! Это он у Акопа калцо взял, а цеп брат двоюрОдный дал...

– Пока штраф не заплатим, сказали, не отдадут! Ай-яй-

яй...

«Всё правильно, маме кадровице папа концертмейстер как раз только вчера получку принёс. Мама, правда, всё переживала, что денег маловато...»

Через час Витька был на Лиговке. Сурен и Нугзар заплатили штраф, им вернули цепочку и перстень. Из милиции вышли беззлобно переругиваясь.

– Говорил я, что к тебе надо ехать, а он: «обчежитие, обчежитие...»

– Какой ко мне, слуший?! Квартирная хозяйка последний раз говорила, чтобы не было никаких баб!

– Сначала всё нормально было. Приехали в общежитие, достали вино, фрукты...

– Бутылку портвейна и три мандарина.

– Выпиваем, туда-сюда, танцы-шманцы, да? Ткачихи про Италию спрашивают, я конечно, про Везувий им рассказывал, затем про собор святого Петра Первогою

– Слуший, какого Петра Первого, э?! Ты им про Вэнэцию

врал, что по улицам одни шлупки едут и эти, гандоны.

– Гондолы, вайме?!

– А дальше? – спросил Витька.

– А дальше пришли какие-то мужики. Какие, говорят, это итальянцы? Грузины с рынка! Нугзар орёт: «Орёл с говном нэ разговаривает, грузин на рынке нэ торгует! Там живут азербайджанцы!»

– А те отвечают, для нас одна хрень, потому что все вы только и делаете, что наших девок лапаете!

– Настоящие ткачи! Зарэжу!

– И что?

– Что-что?! Комендант прибежал, мат-перемат, ай-яй-яй! Этот коменданту поджопника дал. Такое началось: бокс, борьба, олимпийские игры!

Сурен схватился за грудь, затем пощупал пульс и промокнул носовым платком выступившие на лбу капли.

– В общем, не целованные, так и ушли?

– Какой поцелованный? Я говорю, зачем это делаешь, милиция-шмилиция?! Может, я на нём жениться хочу.

– Это на ком, на коменданте?! – не понял Витька.

– На нём, на этом, на ткачихе.

– Зря.

– Сам знаю, что зря! Менты руки заломали, пиджак порвали. Я пиджак и джинсы у Гоги брал, что я ему теперь объясню?

– Скажешь, что заступался за честь девушки.

– Какого девушки, слуший?! – от волнения Нугзар стал путать русские и грузинские ругательства, затем распахнул пальто.

– Вот, посмотри, э?

На пиджаке отсутствовал правый рукав, виднелось одно волосатое предплечье и татуировка с символикой военно-воздушных сил и надписью «Север». Некоторое время шли молча. Затем Сурен сказал:

– Ты, Витя, во всём и виноват. Зачем это придумал?! Итальянцы, итальянцы, а сам ушёл.

– Больше не буду.

Зашли в метро. Роясь в карманах, долго искали мелочь. Затем опустили пятаки в щель автоматов и поехали вниз по эскалатору. Возле перехода с Площади Восстания на Маяковскую разошлись в разные стороны.

– Ну, пока. Деньги через неделю отдадим.

– На лекции завтра не забудь отметить.

– Сам не забудь.

КАК РАБОЧИЕ ЛЮБИЛИ КИРОВА.

В советские времена в Ленинграде, где Кирова только не было. Его именем даже академический театр оперы и балета был назван, вероятно, как лучшему другу всех балерин, не считая стадиона, дворца культуры, проспекта, района, моста и бог знает ещё чего. Сейчас остались лишь Кировский завод, небольшая улица, площадь и несколько памятников. Один, самый внушительный, до сих пор стоит на площади своего имени. В форменном картузе, пальто нараспашку, со

вскинутой правой рукою, спиной к бывшему Кировскому райсовету. Архитектором данного проекта был некто Н.А. Троцкий *. Имел ли Ной Троцкий какое-либо отношение к Льву Троцкому, неведомо. Ну, да и бог с ними.

Всегда считалось, что ленинградские рабочие очень любили Кирова.

То есть, буквально души в нём не чаяли. А после каждого публичного выступления натурально стаскивали с трибуны и уносили куда-то на руках.

А уж когда в конце 34 года на Кирова напал троцкист Николаев, вроде как из ревности высадив в него всю обойму из нагана, то и вовсе пролетарская любовь, словно разбушевавшаяся Нева, вышла из берегов и устремилась к иным рубежам, охватив всю страну. Одних городов, связанных с именем Кирова насчитывалось потом никак уж не меньше десятка, появились даже Кировоград, Кировобад и Кирово-Чепецк. А писательница Антонина Голубева увековечила, спустя годы, героику борьбы и подвига Кирова в дилогии: «Мальчик из Уржума» и «Рассказы о Серёже Кострикове».

В 1970 году страна и всё прогрессивное человечество с чувством небывалого подъёма подходило к столетнему юби-

лею Ленина. Поэтому вселенская любовь рабочих к Кирову стала неактуально и отошла на второй план.

В один из хмурых мартовских дней электромонтажники тянули проводку через проспект Стачек, который пересекал Кировскую площадь в Питере. Вначале при помощи монтажного пистолета рабочие загоняли в стену дома специальный гвоздь, а после приспособливали к нему кронштейн, на который закреплялся металлический провод. Работа сложная, если учесть, что связана с высотой, да ещё ветер и снег. К одиннадцати часам утра все продрогли, и бригадир отправил самого молодого монтажника в ближайший гастроном. Слегка разогрев традиционным способом себя изнутри, работяги приступили, было, ко второй части своей юбилейной трудовой вахты, как вдруг выяснилось, что закончились какие-то детали для крепежа провода. То ли специальные скобки, то ли ещё что-то. Зато гвоздей для монтажного пистолета, хоть на моржовый промысел с ними иди. Уселись они на лавочке в сквере, перекурить, а в метрах двадцати перед ними сам Киров на постаменте во всей своей большевистской красе, который тут же и привлёк их внимание.

– Интересно, из чего сделан Киров, из гранита? – спросил самый молодой монтажник.

– Разбежался! – проворчал монтажник средних лет, – Не иначе, бронзовый он, или вообще, из титана.

– Дык, сейчас проверим! – сказал бригадир и зарядил гвоздь в пистолет.

«Дзды-ы-ы-ннь...» – металлически отозвался Киров, после того как бригадир нажал на курок.

– Не понял, – хмыкнул бригадир, – Странный какой-то звук, но на титан явно не тянет.

– Дай-кась, – попросил монтажник средних лет, и вторично засадил по памятнику.

«Дзду-у-уууу-уннь...» – понизив тональность, обиделся Киров, и самому молодому монтажнику даже показалось, что памятник сурово насупил брови.

– Стальной... – заключил бригадир, убирая пистолет в сумку.

– Дайте мне, дяденьки, последний разок, – стал умолять бригадира молодой монтажник, поскольку в нём ещё не угас интерес исследователя. На сей раз памятник издал какой-то лязгающий звук, вероятно гвоздь угодил в гранитный постамент, но в эту секунду перед ними затормозил милицейский наряд, и рабочих отвезли в кутузку.

– Знаете, какой срок вам полагается за вандализм? – спросил их следователь.

Монтажники не знали, а следователь уточнил:

– До пяти лет. А если учесть, что порчу памятника герою революции вы учинили накануне юбилея товарищу Ленину, то вам ещё и добавят, как антисоветчикам.

В общем, перспектива вырисовывалась невесёлая. Дело, наверное, и сразу бы могло разрешиться, и рабочих бы отпустили, скорее всего, накостыляв им для порядка по шее, но неприятность заключалась в том, что наклепал на них какой-то персональный пенсионер, разглядевший из окна, как монтажники палят своими гвоздями по памятнику. И, кроме всего прочего, оказались затронутыми личные чувства пенсионера к Сергею Мироновичу, и он в красноречивом заявлении на имя прокурора города потребовал сурового наказания ревизионистско-троцкистским наймитам.

– Если будет надо, я и до Смольного дойду, но этого дела так не оставлю! – грозил поклонник Кирова в отставке.

В конце концов, дело дошло до идеологической комиссии Горкома КПСС.

– Вы там что, все с ума посходили?! – разорались в Горкоме на следователей, – Работягам политику шьёте? Срочно выпустить!

– А с какой квалификацией?

– Да с любой! Оформите мелкое хулиганство, и коленом под зад. Хоть бы внимательнее посмотрели, как бригадира монтажников зовут... Владимиром Ульяновым! Это, что же получается, Владимир Ульянов, и палил в Кирова?!

– И, главное дело, что накануне своего юбилея, – хохотнули следователи.

– Что?! – не поняли в Горкоме.

– Да это мы так, про себя...

Выпустили их, конечно. И, говорят, бригадира Ульянова даже к награде потом представили. Такие вот метаморфозы с этим памятником. А что, до сих пор стоит, и никому вроде бы не мешает...

* Ной Абрамович Троцкий, советский архитектор. Помимо проекта Кировской площади им так же разработан про-

ект Большого дома на Литейном.

** Антонина Григорьевна Голубева, советская писательница. В сталинские времена – Лаурет госпремии за рассказы о Кирове.

МЕСТО ДУЭЛИ.

Хорошо ходить пешком. Особенно, когда на улице погожий июньский денёк. Повсюду свежесть листвы, на асфальтированных дорожках тополиный пух, в окружающем пространстве кратковременный шум убегающей электрички, на смену которому является статичный гул пикирующих над цветами шмелей.

Возле железнодорожного переезда, что на станции «Новая деревня», одного прохожего средних лет, идущего бодрой походкой и чему-то добродушно улыбающегося, останавливает долговязый незнакомец с унылым лицом и стеснительными манерами.

– Можно вас спросить, уважаемый?

«Не иначе, денег сейчас попросит...» – думает прохожий, – «Как же они надоели, эти алкаши! То в метро кланчат, то в магазине... теперь вот, и здесь стали привязывать-

ся».

– Я извиняюсь...

«Хотя, вряд ли. На попрошайку долговязый не похож, рубашка чистая, штиблеты модные, на шее цепь...»

– Видите ли...

«Уборную, наверное, ищет. А я-то, откуда знаю?!»

– Я бы хотел у вас спросить...

«Интересно, а где здесь уборная-то? На платформе нет ни единого здания».

– Мой вопрос несколько необычен...

– Даже и не знаю, что вам ответить... – разводит руками Прохожий, – Если только где-нибудь в придорожных кустах сможете разрешить этот свой необычный вопрос.

– Что вы сказали? Да нет, – машет рукою Долговязый. Не в этом дело.

– Тогда, в чём же?

– Я бы хотел у вас узнать, где находится... место дуэли Пушкина?

– «А почему не дом старухи-процентщицы?!» – про себя усмехается Прохожий, но тут же напускает на себя солидности.

– Только и всего-то? А я уж было подумал... так оно здесь и находится. Вот, через дорогу сквер с тополями и липами, а посередине памятник! Видите, там скамеечки ещё?

– А почему, тогда говорят, что место дуэли на канавке Чёрной речки? – не отстаёт Долговязый.

– Ну, так недалеко и Чёрная речка, вон, метров двести. Только там вроде бы никогда не было никакой канавки...

– Вот там?! А где ж тогда лебеди?..

– Какие ещё лебеди?

– Ну, те самые, в канаве, в канавке... ведь говорят же, что место дуэли было именно возле канавки на Лебяжьей набережной Чёрной речки, напротив Сенатской площади?!

"Наверное, ненормальный..." – думает Прохожий, и от нетерпения начинает топтаться на месте, словно жеребец перед скачкой, при этом оглядываясь по сторонам, – "Лебедей каких-то приплёл, да ещё Сенатскую площадь?! Или просто зубы мне заговаривает, а потом раз, и все денежки тю-тю?!"

Но для чего-то вдруг пускается в пространные и назидательные пояснения:

– Ну, уж, на Сенатской площади происходили совсем другие события.

А именно – восстание декабристов. И к дуэли Пушкина с Дантесом это не имело никакого отношения. Но вот вы спросили про набережную...

– Да-да-да! Где же эта набережная?

– Хм, набережная... да как же им было стреляться-то на набережной? Ведь вокруг люди, прохожие, а вдруг какая-нибудь шальная пуля?

– Шальная пуля, говорите? – Долговязый подозрительно смотрит на Прохожего, – Не думаю, что шальная пуля, потому что я читал, что Пушкина застрелил вовсе даже и не Дантес!

– Господи, а кто ещё? – Прохожий уже и не рад, что вступил в этот странный диалог.

"Нет, точно, ненормальный!"

– Вовсе даже не Дантес, – не отстаёт Долговязый, – А специально подготовленный киллер, спрятавшийся в кустах канавки на Лебяжьей набережной Чёрной речки!

– Да бог с вами, не было там никакого киллера! В Пушкина стрелял только Дантес, и это подтверждается свидетельствами всех очевидцев дуэли.

– Нет, был киллер, потому что люди зря не напишут!

– Да ерунда это всё! Чушь! Или, вообще, просто чей-то плод воспалённого воображения. Надо же, ещё и киллера выдумали?! Бедный Пушкин...

– Был киллер, был, это совершенно точно!

"Как же от него отвязаться-то?"

– Вы что, мне не верите? Вы уже печатному слову не верите?!

– Хорошо-хорошо! Вы, главное, не нервничайте! Не нервничайте главное! Ну, был киллер, был, и специально прятался в кустах, – пытается успокоить своего собеседника Прохожий.

– Так я и не нервничаю!

– Нет, нервничаете, я же вижу! Но всё-таки набережной тогда никакой ещё здесь не было. А вокруг был лес, зайцы с волками, в лесу полянка. Встретились с Дантесом в условленное время...

– А киллер?

– Хорошо-хорошо, киллер, замаскированный под снеговика, сидел уже на дереве и смотрел в оптический прицел... затем договорились об условиях поединка, разобрали пистолеты...

– Пистолеты? Какие ещё пистолеты?!

– Что значит «какие»? По-моему, одной старинной французской или бельгийской системы... не из рогаток же им было стреляться с Дантесом?!

– С киллером!

– Хорошо-хорошо, с киллером! Правда, ну, сами подумайте, как Пушкину было стреляться-то с киллером, условия ведь неравны?! Но, вы, главное, успокойтесь, успокойтесь, главное...

– Так... – Долговязый словно о чём-то вспоминает. Затем делает трагическую гримасу и трогает себя за кадык. После поворачивается к своей спутнице, появившейся так же внезапно, и молча вставшей рядом с Прохожим.

"Ну, точно, сейчас на деньги начнут разводиться, мошенники..." – пугается Прохожий, – "Кстати, а где мой бумажник-то?"

Возникает немая сцена. Надо бы уже уйти, в конце-то концов, но Прохожий не решается тронуться с места, обдумывая план своих предстоящих оборонительных действий:

"Оглушу Долговязого сразу же портфелем по башке, затем ладонями по ушам, коленом в промежность, а дальше буду действовать по ситуации..."

Но Долговязый какое-то время помалкивает, лишь морщит, то и дело, лицо. Снова трогает себя за кадык и сердито

покашливает. Затем поворачивается к спутнице.

– Странно, ты оказалась права...

– Как права? В чём? – не понимает Прохожий, но на всякий случай прикидывает вес портфеля. В портфеле том Большой Советской энциклопедии, бутылка коньяка и кило апельсинов. Вес вполне подходящий.

Спутница берёт Долговязого под руку, и они, даже не попрощавшись, тотчас исчезают в придорожных кустах, видимо торопятся на электричку. До Прохожего долетает фраза, сказанная напоследок спутницей Долговязого:

– Я же говорила, что дуэль у Пушкина была где-то здесь, а ты: «На набережной канавки, возле Сенатской площади, в Летнем Саду!»

Прохожий какое-то время продолжает стоять, пытаясь переварить весь смысл только что сказанного, но по-прежнему, ничего не понимает. Затем приходит в себя, в задумчивости делает первые пару шагов, и понемногу набирает прежний темп, возвращая лицу добродушную улыбку.

КУШЕЛЕВКА.

Каждое время имеет характерные краски и запахи. В се-

редине 70х на алюминиевом фоне преобладали багровые лозунги, и в подъездах пахло жареным хеком и мокрыми валенками.

Придя с военной службы, Вова Кутузов устроился на хладокомбинат грузчиком. Само по себе название «Кушелевка» не говорило ни о чём. При царе горохе эти земли на окраине Петербурга принадлежали какому-то знатному вельможе, потом их скупил купец Кушелев, отсюда и название.

Теперь пригородная электричка пролетает Кушелевку без остановки.

И многие пассажиры, рассеянно глядя в окно, видят неказистые склады. Несколько позже количество складов поубавилось, и кое-где появились жилые дома. Между тем Кушелевский хладокомбинат, словно щупальца, распростирал крепкие объятия своих складов на несколько вёрст вокруг.

Любой мегаполис знаменит архитектурой и памятниками. Только без складов всё равно не обойтись, и чем больше складов, тем богаче и город.

Первый объект, куда попал Вова, была мойка консервов. Говяжья тушёнка произведена много лет назад, и когда подходил срок санитарной проверки, металлические банки про-

пускали через специальную мойку. Если банка от высокой температуры вспучивалась, её браковали, а к ровным банкам приклеивали этикетку и пускали в продажу.

Партия тушёнки, которая проходила мойку в момент, когда там появился Вова, датировалась 1942 годом. Об этом рассказал бригадир. Тембр его голоса сопровождался каким-то низким гудением, отчего собеседнику казалось, что бригадир сидит в железной бочке. К тому же бригадир являлся кандидатом в члены партии, и это обстоятельство придавало его фигуре значительности. В свободные от партийной работы часы бригадир разъезжал в пространствах цеха на погрузчике. И представлялось, ездит не с конкретной целью, а для удовольствия, натурально танцуя на своём транспортном средстве. Всего погрузчиков было два: вторым управлял хмурый кривоногий дядька похожий на Франкенштейна, как позже выяснилось, старший грузчик. Франкенштейн ездил одними зигзагами.

«Интересное дело, – думал Вова, – в 1942 в Ленинграде была блокада, люди голодали, а где-то в закромах лежали целые склады мяса!»

За длинным конвейером сидели полтора десятка женщин и приклеивали к банкам этикетки. В конце конвейера стояли рабочие с молотками в руках, которые заколачивали ящики

с банками. Работа нехитрая и первые три часа непрерывного труда у конвейера пролетели быстро. Оба рабочих, те, что с молотками, встретили Вову приветливо. Тот, что маленький и большеголовый, наверно сорокалетний, то и дело кричал куда-то вдаль, вызывая таинственного Колю, а во время перекура протянул руку:

– Лев Иваныч меня зовут!

– Как вратаря Яшина! – уточнил другой рабочий, лохматый и длинный.

Тот внимательно посмотрел в глаза и церемонно поклонился. Вова назвал свое имя и фамилию.

– Я так сразу и подумал, что тебя назвали в честь набережной Кутузова! – усмехнулся лохматый.

– Почему это?

– Когда вошёл, по радио заиграли увертюру «1812 год».

Вова пожал плечами:

– Я на флоте служил.

– Интересное кино, а я в авиации!

Лохматый помолчал, словно что-то припоминая, затем представился:

– Нил Балагуров, актёр театра имени комиссара Ржевского, а Лев Иваныч у нас главный осветитель текущего момента.

– Какого комиссара? – растерялся Вова.

– Ржевского! – повторил Нил.

– Это он так шутит, – осклабился Лев Иваныч, – Я слесарь сборщик с Большевика.

А Нил спросил:

– В художественной самодеятельности участвуешь?

– Участвую! Играю в Гадком утёнке умирающего лебедя.

– Я так и знал!

– Почему знал?

– Потому что каждый фельдмаршал при отступлении исполняет танцы маленьких лебедей! Нил перешёл на громкий шёпот:

– Предупреждаю, нас теперь трое, и всё это добром не кончится!

– А при наступлении, что исполняет фельдмаршал? – спросил Вова.

– При наступлении он поёт Свадебный марш Мендельсона!

Нил Балагуров никаким актёром не был, больше дурачился. Он пришёл из армии раньше Вовы на полгода, действительно служил в авиации в подразделении укладчиков парашютов, и собирался в театральный институт.

– Нам доверен самый ответственный участок работы, постольку – поскольку партия и правительство денно и нощно осуществляют продовольственную программу! – сообщил бригадир, и от его гудящего голоса задрожали сложенные в штабеля консервные банки, на которых ещё не было этикеток. Наступил получасовой перекур, поэтому все рабочие уже вышли из цеха.

– То-то я не пойму, почему продукты исчезают с прилавков?! – пробормотал Нил и шепнул Вове на ухо:

– Обрати внимание на его глаза...

– Пьяный?

– Нет, не пьяный, просто косой, вероятно с рождения, а ездит на погрузчике.

Вова осторожно оглядел бригадира, и определил, что его выпуклые водянистые глаза, словно у рака, смотрят в разные стороны.

– Говорите, пришли к нам по комсомольскому набору, постольку – поскольку недавно демобилизовались? – бригадир обращался непонятно к кому, один его глаз смотрел на вентиляционную трубу, другой на Льва Иваныча.

– Я демобилизовался 20 лет назад?! – Лев Иваныч хмыкнул и пожал плечами, а Нил скопил глаза к носу.

– Я не про вас, – бригадир взял Вову под руку:

– Вы в каком полку служили?

– Вообще-то я служил не в полку, а в дивизионе противолодочных кораблей, – пробормотал Вова, а бригадир, не давая опомниться, отчеканил:

– Всё что создано народом, должно быть надёжно защищено противолодочными кораблями, постольку – поскольку имеет неслыханную ценность!

«Может ненормальный»? – подумал Вова.

– Во-во! Именно што зашыщено, Именно што! – согласился Франкенштейн, шумно перемешивающий костяшки домино.

– Но и подводными лодками! – добавил бригадир.

– Ну, што, зашытники и полузашытники, сгоняем в козла? – предложил Франкенштейн.

– Предпочитаю партию в бридж, – заметил Нил.

– Типишный полузашытник! Вот и я шшытаю, што фамилия Дробиндраната Кагора уж больно похожа на японскую мать!

– А на какой интерес? – спросил Лев Иваныч, садясь за

стол и беря кости.

– Ишшь ты, интерэс ему подавай. На пиво, дык!

После работы Лев Иваныч спросил:

– Ну, куда пойдём: на Первый Муринский или на Александра Матросова?

– А что там? – спросил Вова.

– Место встречи выпускников ВГИК, – ухмыльнулся Нил. Он двумя пальцами потеревил обшлага на Вовином бушлате, словно проверяя качество ткани.

– Дашь сфотографироваться?

– Надо обязательно отметить знакомство по рабочей традиции, – уточнил Лев Иваныч, – А как же иначе?

Они пошли к пивным ларькам, что находились на улице Александра Матросова, где после работы собирался окрестный гегемон. Несмотря на холод и морозящий дождь, вокруг полудюжины пивных ларьков толпились более сотни человек. А перед праздниками или в дни получки это количество вырастало в арифметической прогрессии. Нил в вели-

чественном жесте вскинул правую руку и воскликнул:

– Друзья мои, на празднике народном

Помянем тех, кто пал в краю холодном!

– Твои стихи? – спросил Лев Иванович.

– Если бы! – вздохнул Нил, – Когда б я так писал, работал бы грузчиком? Хотя у автора этих стихов тоже незавидная судьба...

– Спился? – Лев Иваныч шмыгнул носом.

– Хуже, – ответил Нил.

– Убили на дуэли или зарезали в подворотне?

Нил пояснил:

– В лагере просидел не за что 10 лет.

– Не за что не бывает, – Лев Иваныч махнул рукой.

– Ещё и как бывает! – вставил свои пять копеек Вова, – У нас в доме жил парень, который отсидел 3 года не за что, а

потом сбежал – хотел узнать, за что же его посадили, а когда поймали, ему ещё 5 добавили за побег.

– А говоришь «не за что»?! – Лев Иваныч натянул по плотнее кепку.

– У этого поэта ещё были такие стихи:

«Из-за облака сирена

Ножку выставила вниз,

Людоед у джентльмена

Неприличное отгрыз...

– А я знаю, кто это! – обрадовался Вова, – Это Николай Заболоцкий, у меня дома есть его книжка с автографом.

– Ври больше! – крикнул Нил, – Заболоцкий давно умер.

– И ничего не вру, моя мама, когда была студенткой, однажды оказалась на вечере поэзии, там выступал Заболоцкий, купила его книжку и взяла автограф.

– А, ну тогда ладно.

Они взяли подогретого пива, и Лев Иваныч достал из-за пазухи маленькую.

– По рабочей традиции.

Нил снял шапку и громко процитировал стихи о Льве Яшине:

«Да, сегодня я в порядке, не иначе;

Надрываются в восторге москвичи,

Я спокойно прерываю передачи,

И вытаскиваю мёртвые мячи!»

– Евтушенко? – спросил Лев Иваныч.

– Бери выше, – усмехнулся Нил.

– Роберт Рождественский?

– Хм.

– Тогда не знаю, – Лев Иваныч махнул рукой.

– Высоцкий, дядя!

Они выпили и Вова спросил:

– Сколько сейчас стоят джинсы?

– Смотря у кого брать, – Нил отхлебнул из кружки, – У спекулянтов 160-180 рэ, в зависимости от фирмы, а у иностранцев можно достать дешевле, рублей за 120, но это сложнее.

– Фарцовка – дело опасное, – заметил Лев Иваныч.

– Могут посадить? – спросил Вова.

– Посадить, не посадят, но оштрафуют и на работу сообщат, короче огребёшь по полной программе.

– И уже никогда не выйдешь в старшие грузчики! – добавил Нил.

– Больше месяца надо пахать, чтобы заработать на джинсы, – вздохнул Вова.

– А на такой пахоте, как у нас только здоровье угробишь, –

ответил Нил, было заметно, что он слегка окосел, – Надо идти в Метрострой.

– А в Метрострое не угробишь? – усмехнулся Вова.

– Тоже угробишь, но со смыслом, там зарплата гораздо больше. Зато и перспективы вырисовываются, может, комнату хотя бы дадут. А здесь только пинка под зад вместо государственной премии.

– А как же театральный институт?

– Да кому он нужен, твой театральный?

– Почему это «мой»? Я в театральный не собираюсь.

– Надо поступать во ВГИК! На режиссёрский, а для этого надо знать жизнь, а узнав жизнь, крепко встать на ноги, в финансовом, разумеется, смысле.

В конце недели Франкенштейн, сделав крутой зигзаг, наехал Нилу на ногу. Хорошо ещё нога была в кирзовом сапоге. Правда, в стопе что-то хрустнуло. Вова заметил, что глаза у Франкенштейна тоже косят в разные стороны, правда, не постоянно, а время от времени. Здесь все что ли, кто управляют погрузчиками, косые?

– Што ж ты, полузашшытник, не видел што я еду? – заорал Франкенштейн.

– Если пойдёте в травмпункт, не говорите, что вам на ногу наехали, постольку – поскольку у комбината возникнут серьёзные неприятности! – обеспокоился бригадир, – Лучше скажите, что самопроизвольно упали с лестницы!

– Как это самопроизвольно? – не понял Вова.

– Ага, так и скажу, что выпал прямо из окна, постольку – поскольку в дымину пьяный был! – кривясь от боли, прошипел Нил.

– С пьянством на производстве ведётся решительная борьба! – напомнил бригадир. – Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев на 26 съезде КПСС объявил пьянству бой прямо с трибуны!

– Вот сука! – прошипел Нил.

– Кто сука? – насторожился бригадир.

– Франкенштейн ваш косоглазый, вот кто: не видит, куда едет.

– Забота о здоровье трудящихся является нашей первоочередной задачей! – бригадир озабоченно посмотрел по сторонам. Затем выпрямился, и, словно Чапаев, шашки и бурки только не было, стремительно вскочил на погрузчик. – Постольку – поскольку в нашей стране лучшая в мире медицина!

– Оно и видно!

Нога у Нила опухла, и они с Вовой отправились в травмпункт. Пока Нила осматривал доктор, Вова разговорился с глазастой медсестрой. Она оказалась студентка медучилища, проходящая практику.

– Пойдём в субботу куда-нибудь? – предложил Вова.

– В кунсткамеру! – девушка улыбнулась ровными зубками.

– Зачем ещё?

– Ну как же: на других посмотреть и себя показать.

– Можно и посмотреть.

– А потом в планетарий! Найдёшь обратную сторону луны?

– Не уверен.

– Меня зовут Лёка, – девушка протянула тонкую ладошку.

– А меня Вова.

– Ты случайно не из отряда космонавтов?

– Он из отряда водолазов! – сказал Нил, вышедший прихрамывая от доктора. Перелома к счастью не оказалось, только сильный ушиб, – Вы ещё не читали самую последнюю повесть Хемингуэя?

– «Старик и море» что ли? – усмехнулась Лёка, – Теперь я поняла, почему он у вас такой сообразительный!

– В смысле? – покраснел Вова.

– В смысле, как молодой дельфин!

Вечером с Лёкой ходили в кино. Затем в субботу – снова в кино. Оказалось, Лёка живёт недалеко от него – всего-то в четырёх трамвайных остановках.

В воскресенье надо было уединиться, но ни у него, ни у неё было нельзя.

Выручил Нил: его родители были музыканты и укатили на гастроли, поэтому можно было оторваться у него прямо с утра. Правда, для Нила требовалась девушка.

– Так мы ему девушку найдём! – сказала Лёка.

Собственно, девушка тотчас и нашлась в лице её подружки Тины, с которой они проходили практику в травмпункте. Тина была рыжеволосой хохотуньей, и легко приняла предложение.

Они встретились морозным ноябрьским утром возле метро «Лесная».

На автобусе ехали всё утро, и ещё пришлось идти потом пешком полдня до дома, где жил Нил. Обе девушки в почти одинаковых мохеровых шапочках напоминавших чепчики, и зимних пальто с вздёрнутыми вверх плечами, которые они ловко скинули в прихожей, словно царевны лягушки кожу, сразу превратившись в нарядных барышень.

Нил нашёл у отца спирт и развёл клубничным вареньем.

Получилась какая-то розовая бурда, нечто вроде уценённого ликёра, наподобие пыльного мешка бьющая по мозгам. Закусывали пирожными, которые привезли девушки.

Нил с малых лет сочинял стихи, сначала это было про погоду, потом про природу, потом про облака, затем обо всём на свете. Он встретил своих гостей неожиданными строками:

– А я набью покрепче трубку,

И чтоб семь футов мне под киль,

Но с роду не надену юбку,

Когда б она звалась и килт!

Девушки застыли от неожиданности, и Нил закруглился:

– Ведь в Барнауле и Плоешти,

Париже, Осло, в Хельсинки,

Йошкар-Оле и Будапеште

Не носят юбки мужики!

Когда усаживались за стол, Нил, глядя на пирожные, испуганно спросил:

– Что это?!

– Пирожные бизе, – хохотнула Тина.

– А под бизе что?! – Нил выпучил глаза.

– Под бизе крем.

– А под Бизе должна быть Кармен!

Нил включил музыку, и стали танцевать. Потихоньку Вова и Лёка уединились в соседней комнате.

– У тебя давно не было женщины? – спросила Лёка. Вова почувствовал, как кровь хлынула к лицу:

– Как демобилизовался, не было.

– Или вообще ещё мальчик? Дрожишь от страха, а вдруг не получится?

Она разделась раньше него, у неё была маленькая грудь и белая кожа, которая казалась ещё белее на фоне тёмных

волос, крупными локонами падающих на плечи. Пристально посмотрела в глаза, прижалась бёдрами, прикоснулась рукой.

– Зачем много пил?

– Не знаю, для храбрости.

– Храбрец...

«Может она проститутка, раз так умеет?»

Из комнаты Нила доносились стихи:

– Вы сидели на диване, походили на портрет,

Молча я сжимал в кармане ледящий пистолет!

«Интересно, чьи это стихи?» – мелькнуло в голове.

– Смешной у тебя друг... на артиста похож.

– А он артист и есть.

– Зачем много пил?!

– Для храбрости.

– Храбрец!

– Расположен книзу дулом, сквозь карман он мог стрелять, – чеканил в соседней комнате Нил, – Я всё думал, думал, думал: убивать – не убивать?

– У нас тоже трудности! Может тебя убить? – Лёка вздохнула и посмотрела на потолок, можно подумать, там была написана подсказка.

– Просто я резко нажал на газ, а ты давила на тормоз!

Вова протрезвел и вдруг успокоился, лёг на бок и стал шептать ей на ухо нежные слова. Эти слова выскакивали как-то сами по себе. Она закрыла глаза и улыбалась краешками губ. Затем прижалась. Несмотря на полумрак, её глаза так сияли, что казалось, освещали всю комнату.

«Обычно, когда это происходит, они закрывают глаза, а она улыбается...»

– У тебя есть кто-нибудь? – спросил Вова. Лёка лежала, заложив белые руки за голову.

– Для тебя это имеет значение?

Он кивнул.

– Если будешь каждый раз напиваться, это не будет иметь никакого значения!

– Выстрел, гром, сверкнуло пламя,

Ничего уже не жаль;

Я лежал к дверям ногами

Элегантный как рояль!

– Это стихи Хармса?

– Это стихи Геннадия Шпаликова.

– Который сочинил «Я шагаю по Москве»?

– Именно.

– Интересно.

Нил потом удивлялся:

– Представляешь, Тина, оказывается, парня из армии ждёт!

– Не понял?! – остолбенел Вова. – Вы с ней не того? Только стихи читали, в смысле ничего не было?

– Ещё и как было! Причём, по мере нарастания сексуального поединка, Тина проводила всё новые и новые эротические приёмы.

– Как в дзюдо или самбо! – хмыкнул Вова.

– А твоя, что, не проводила?

– В смысле?

– Приёмы?

Вова не знал, что ответить, а Нил его и не слушал.

– Я уж было подумал, что вот она, судьба, типа того, такая темпераментная хохотунья. А парня всё равно ждёт. Спрашивала, что ему можно в армию послать. И вообще, говорит, сильно соскучилась, и собирается к нему в Заполярье. А твоя?

– Лёка? Нет, никаких запрещённых приёмов не было, и никого не ждёт, говорит, что... и вообще, раньше собиралась замуж за одноклассника. Но теперь уже не собирается.

– О, женщины, вам имя вероломство!

Весь хладокомбинат окружал высоченный забор с мотками колючей проволоки. Однако от воровства это не спасало, очевидцы рассказывали, что иной раз через этот забор перелетали куриные окорока и даже небольшие бараньи туши. А солёную красную рыбу некоторые грузчики выносили в длинных полиэтиленовых пакетах, вероятно специально сшитых, обвязавшись рыбой вокруг пояса.

Льва Иваныча откомандировали с Большевика полтора месяца назад, платили ему, как слесарю, по среднему, и он рассказывал, что тащат со склада всё подряд: и мясо, и рыбу и консервы. И ничего не боятся.

– В русском языке нет слова «несун»! – то и дело повторял бригадир на пятиминутке, – Постольку – поскольку есть слово «вор». Поэтому партия и правительство объявили нешуточную войну этому позорному для светлого будущего явлению!

– Нысуны – нысуны и есть! – добавлял Франкенштейн.

– Дать бы тебе, модаку, пяткой в лоб! – бормотал Нил, – Как думаешь, если разбежаться и врезать ему пяткой в лоб – устоит? – спрашивал он Вову.

– Рабочему человеку воровать незачем, – ворчал Лев Иваныч, – Рабочий человек зарабатывает своим трудом.

– Правильно, товарищ токарь с Кировского! Так оно и есть! – бригадир отдуплился, и подскочил на месте.

– Я слесарь! – поправлял Лев Иваныч, – Слесарь-механосборщик! И не с Кировского, а с Обуховского!

– Правильно! Постольку – поскольку и Кировский, и Обуховский, то есть Большевик, – это заводы с крепкими пролетарскими традициями!

– Вот и именно што! – подхватил Франкенштейн, – Именно!

– Кто не знает про Обуховскую оборону? – продолжал бригадир, – Все знают! – Кто не слышал про героизм рабочих Путиловского? Все слышали!

– Именно што!

– Дать бы тебе бревном по башке...

– А пяткой в лоб?

– Нет, сначала бревном, а потом можно и пяткой.

– Зачем мы вообще ходим на эту коллегияю грузчиков, если нас никогда не ставят на погрузку мяса? – спросил Нил у бригадира, коллегией грузчиков он называл выдачу нарядов в начале смены.

– Это самый серьёзный участок работы! – пояснил бригадир, – Самый важный! Постольку – поскольку на него мы отправляем самых опытных и ответственных наших товарищей.

– То-то я погляжу, что после вчерашнего, – Нил кивнул на Франкенштейна, – У ответственных товарищей сплошь сизые и одухотворённые лица!

– Не надо переходить на личности! – бригадир задумался, потом, правда, вспомнил, – Постольку – поскольку единица ноль, единица вздор, голос единицы тоньше писка!

– Кто её услышит? – добавил Нил, – Разве жена, и то, не на базаре, а близко!

– Тут мафия, и всюду твёрдая такса, – пояснил Лев Иванович, – Грузчикам даёт водитель, чтобы погрузили хорошего мяса, и в случае чего закрыли бы глаза на то, что вывозит лишку, грузчики, в свою очередь, дают нормировщице.

– А нормировщица кому даёт? – спросил Вова.

– Нормировщица даёт, кому надо! – скривился Нил.

– Товарищ, вы что-то хотели спросить? – бригадир шёл сзади и мог всё слышать.

– Ага! – отозвался Нил, – Мы тут собираемся на рыбалку, и я хотел выяснить, какая чешуя у плотвы?

– Понимаете, молодой человек... – бригадир посмотрел куда-то вдаль, затем отчеканил:

– Коммунизм, молодой человек, это молодость мира, постольку – поскольку его следует возводить молодым!

Когда бригадир отошёл, Нил проворчал:

– Я думал, что устроился на хладокомбинат, а оказалось, что попал в сумасшедший дом.

– Обрати внимание на этого деятеля, – во время обеда сказал Нил, кивнув на одного мужика, сидящего за соседним столиком. Лев Иваныч в этот момент куда-то отлучился, – Это водитель, я его давно приметил, он возит в кузове специальные металлические бруски.

– Для чего? – спросил Вова.

– Хм... – Нил сделал гримасу, – Перед контрольным взвешиванием водила кладёт груз, вот такие бруски в потайном месте кузова. А после взвешивания прячет их где-то на территории комбината. Если увозит лишний центнер мяса, представляешь, какой навар? Грузчики за хорошее мясо получают четвертной, нормировщица тоже в доле.

– Нам на погрузку мяса не попасть, – вздохнул Вова.

– Можно стырить ворованное мясо и продать самим! – предложил Нил.

– Получится, как будто вор у вора дубинку украл! – усмеялся Вова. – Нет уж!

– Попробовать то можно! А то, что: пусть другие жируют, а мы будем палец сосать? А ты, между прочим, джинсы хотел купить, да и Лёке своей наверно что-нибудь хочешь подарить?

– Ну, а как стыришь? Куда продашь?!

– Ещё не знаю. Попробуем за ним проследить, надо посмотреть, где он прячет свои бруски.

Через неделю, когда они шли с работы, недалеко от метро Площадь мужества, пересекая широкий двор, заметили знакомый газон. За час до этого они видели, как машина загрузилась мясом под самую завязку, и за такое короткое время разгрузиться ещё не могла. Водителя в кабине не было. Нил вскочил на подножку.

– Слушай, фельдмаршал, сейчас или никогда!

Нил дернул за ручку двери и та подалась.

– Да как мы поедем, ключей ведь нет?! – прошептал Вова.

– Только не надо переживать! – Нил пошарил в бардачке, отомкнул какую-то крышку, вытащил несколько проводов и

нужные соединил напрямую, от чего машина вдруг завелась.

– Как это? – испугался Вова.

– Учись, матрос, пока я жив!

– Ты умеешь водить?!

– Курсы закончил ещё до армии, пару месяцев даже возил командира авиаполка.

– Куда ж мы это мясо денем?!

– Ещё не знаю, главное процесс, а результат подскажет ситуация.

Фургон, неровно дёргаясь, всё же тронулся с места, проехал по улице, повернул за угол, потом ещё за угол, и, оказался на широкой дороге, которая была Гражданским проспектом. В колонне машин Нил почувствовал себя увереннее, и грузовик набрал скорость. Затем свернул на проспект Науки, куда-то ещё, стал разворачиваться и машина заглохла. Нил глухо выругался.

– Смотри! – Вова кивнул на противоположную сторону улицы, там стоял постовой, который распекал водителя лег-

ковушки.

– Валим? – спросил Вова.

– погоди, – Нил сделал ещё несколько попыток завести машину, чем привлёк внимание милиционера. Тот отпустил легковушку и направился к ним.

– Ваши права и документы на машину?

Нил пошарил в бардачке, похлопал себя по карманам, делая вид, что ищет документы.

– Так, документов нет?

– Не знаю, куда-то положил...

– Откройте фургон.

– Зачем это?

– Откройте! – повторил милиционер, – Может, вы вместо мяса боеприпасы возите?

– Боеприпасы не возим!

– Открывайте!

– Куда-то делся ключ от замка...

– Всё ясно, машину вы угнали. Я вас задерживаю! – добавил постовой и по рации вызвал наряд.

– Зачем угнали грузовик с мясом? – спросил старлей, когда их доставили в ближайшее отделение милиции.

– Мы хотели помочь... – пробормотал Нил.

– Кому это хотели помочь?!

– Милиции, то есть вам.

– Помощнички... Теперь получите по 5 лет.

– Мы же хотели помочь!

– Интересно, каким это способом? Путём угона государственной собственности?

– Да, потому что мы видели, как шофёр этой машины вывез почти центнер лишнего мяса!

– Ещё чего выдумаете?

– И ничего не выдумываем, а сами видели!

Вова сидел, зажав руками голову, и молчал.

– Ладно, вот бумага и ручка, пишите.

– Что писать?

– Пишите, как всё было.

Старлей какое-то время походил по кабинету и вышел.

От волнения Вова весь взмок, и совершенно не знал, что писать.

– Вот вляпались!

– Давай напишем так, – стал подсказывать Нил, – Мол, давно следили за машиной, и знали, что водитель ворует мясо. И вышло так, что пришлось эту машину угнать.

– Так за угон статья?!

– Ну, да, ну, да... про угон тогда вообще не будем упоми-

нать. Тогда напишем, что решили доставить машину в милицию, но не знали, в какое надо отделение, поэтому поехали в отделение, которое на станции Ручьи...

Открылась дверь, и вернулся старлей, а с ним какой-то человек в сером костюме. Они не сразу и поняли, что это Лев Иваныч, потому что он выглядел довольно непривычно.

«А его-то за что?!» – ошолбенел Вова, когда, наконец, вышел из оцепенения.

– Ёкаламене! – выдохнул Нил.

Лев Иваныч усмехнулся:

– Ну, что Робин Гуды, попались?

– Я что-то не понял?.. – Нил вытянулся в лице.

– А что тут понимать? – Лев Иваныч продолжал улыбаться, – Мы третий месяц раскручиваем дело о хищениях с хладокомбината, не хватало одного звена, а вы нам своей самодеятельностью здорово помогли! Водитель грузовика с ворованным мясом, когда мы, с вашей подсказкой, ему сели на хвост, почуял неладное и смылся, испарился, только его и видели.

– Вроде того... – робко сказал Нил, – Мы так и хотели...

А Вова недоумевал: «Да чем мы помогли то?!» Однако помалкивал.

– Вы же нашли эту машину? – повторил Лев Иваныч, – Нашли! Только немного поторопились, надо сперва было в милицию позвонить, а вы решили её сами доставить к нам.

– Так вы не слесарь? – очнулся, наконец, Вова.

– Слесарем был в молодости, а сейчас капитан ОБХСС. Короче, пойдёте, как общественные помощники милиции.

Нил и Вова переглянулись.

– Типа, дружинники?

– Ну, да!

– Да мы, собственно, не возражаем...

– Тогда пишите под мою диктовку...

Они долго выводили на бумаге текст, продиктованный

Львом Иванычем, и выходило, что они сотрудничают с милицией уже более месяца.

– Ладно, теперь идите домой, но никому ни звука.

– А с работой как быть?

– А что с работой? Завтра на работе и увидимся, дело то ещё не закончено.

– Да здравствует свобода! – выкрикнул Нил, когда они очутились на улице. Вова в ответ пожал плечами:

– Сотрудничать с милицией наверно всё-таки лучше, чем за решёткой прохлаждаться.

– В наши-то годы! – Нил хлопнул его по плечу, – Ну, что, по пивку? Или сразу бутылку возьмём, чтоб отметить чудесное освобождение?

– Давай завтра, вечером договорились встретиться с Лёкой, а какое может быть свидание на пьяную голову?

– Ну, ладно, завтра, так завтра.

ПОДВОДНАЯ ЧАСТЬ АЙСБЕРГА.

Композитор Кормухин отправил семью на дачу в Комарово. На дворе стояло летнее утро, обещавшее в ближайшей перспективе отсутствие осадков: об этом говорил ровный пульс, и помалкивали суставы, лучше любого барометра определявшие изменения погоды. Композитор любил одиночество. Хотя бы на пару дней. В это время можно не думать о режиме, который навязывает жена, можно не принимать лекарства. Можно даже выпить немного коньячку под любимые мелодии. Но это вечером. Сейчас же предстояло разобрать работы учеников, сложенные стопкой на крышке рояля.

Неожиданно раздался телефонный звонок. Странно, кто бы это мог быть в этот час? Композитор не любил телефона. Он отрывает от дел. Обычно к телефону подходит тёща и тоном вышколенной секретарши сообщает абонентам, что Валентин Иванович сейчас занят, разговаривать не может, а как освободится, перезвонит в ближайшее время. Телефон был настойчив. Может быть это Надежда? Всё-таки они на даче. Надо бы ответить. Композитор снял трубку.

– Алло? Это квартира композитора Кормухина? Здравствуйте, Валентин Иванович! С вами говорит писатель Эдуард Причалов. Извините за столь ранний звонок. Но дело не терпит отлагательств!

Композитор поморщился и убрал трубку от уха. Голос был громок и вызывал в барабанных перепонках неприятные ощущения. "Причалов? Какой ещё Причалов в такую рань?.."

– Валентин Иванович, вы меня слышите?

Композитор прокашлялся, прикрыв ладонью трубку, затем ответил:

– Да, да... слушаю.

– Дело в том, Валентин Иванович, что я только что с поезда, был на Мосфильме. Там прошла моя заявка на сценарий новой картины.

«Эдуард Причалов? Ах, Причалов... известный писатель-маринист! Помнится, Надежда с увлечением читала его морские рассказы...»

– Так, так... я весь внимание.

– Со мною уже подписали договор. Режиссёр Рагушкин начнёт съёмки в самое ближайшее время!

Рагушкин производил впечатление. Последняя его карти-

на наделала много шума. Как же она называлась? Правильно, она называлась: «Телефон звонит без конца». Ох, уж этот Рагушкин. Однако народ на картину прямо ломился.

– А я-то вам зачем, Эдуард, Эдуард...? Простите, не знаю вашего отчества, – спросил Композитор.

– Эдуард Всеволодович... но можно просто – Эдик!

Композитор улыбнулся. Вот, что значит, моряки. Прямые ребята. Без всяких прелюдий и дивертисментов, как в союзе композиторов.

– Я бы очень хотел, Валентин Иванович, чтобы именно вы написали для картины музыку.

Композитор смутился.

– Честно говоря, для кино я не помню, когда и писал. Может быть вам лучше обратиться к Андрею Петрову, или Олегу Каравайчуку? Они в этом жанре здорово преуспели.

– Нет, нет, Валентин! Нам нужны именно вы. Рагушкин так и сказал, прочитав сценарий: «Хорошо бы пригласить Кормухина, только он вряд ли согласится, поскольку весь в симфоническом жанре!»

Кино? Какая-нибудь морская тема. Впрочем, почему бы и не попробовать?

– Ну, так что, Валентин, вы согласны?

– Сразу я как-то не готов ответить. Много работы, знаете ли...

– Тогда надо встретиться и поговорить. Где вам удобно? Может быть, в Доме писателей? Через пару часов там откроется буфет, и мы сможем пообщаться.

Композитор поморщился. Не любил он подобные заведения. Кого-нибудь встретишь, начнутся расспросы, к тому же буфет...

– Нет, только не там.

– Тогда где? Давайте в сквере у Михайловского замка? Я слышал, что вы живёте на Фонтанке...

– Не совсем, но рядом...

– А я – на канале Грибоедова, в писательском доме. Слушайте, может, встретимся на Манежной площади? Это же,

самая, что ни на есть, нейтральная территория.

Композитор задумался. На это уйдёт много времени, а у него ещё масса дел.

– Послушайте, э-э, Всеволод...Всеволод?

– Вообще-то, не столько Всеволод, сколько – Эдуард...

– Ох, простите великодушно! Рассеянность, знаете... а, давайте, встретимся у меня? Можно прямо сейчас, потом я буду занят.

– Нет проблем, Валентин! Диктуйте адрес, буду ровно в 10:00.

Композитор продиктовал адрес, повесил трубку, затем прошёл на кухню и открыл дверцу холодильника. Так, что у нас есть к чаю? Сыр, колбаса, лимончик...кажется, где-то было печенье. Причалов, Причалов...интересно, выпивает он, или нет? Можно предложить коньяку. Чтобы моряк, да и не пил? Хотя, кто его знает...человек он уже немолодой, пожалуй, даже немного старше меня. Да и утро на дворе. Надо бы посмотреть его книги...

Композитор включил телевизор. Ничего нового. Делегаты

последнего съезда обсуждают его решения. В Вашингтоне, возле Белого дома, девятый месяц сидит человек, объявивший вечную голодовку. Полная чушь, так не бывает. Погода по всей необъятной территории на пять с плюсом.

Ровно в 10:00 раздался резкий и протяжный звонок из парадного. Композитор не любил эти звонковые новшества: переливы колокольцев, щебетанье птиц. Звонок должен быть именно звонком. Звонила консьержка.

– Валентин Иванович, к вам товарищ Эдуард Причалов из союза писателей.

– Да-да...пропустите, пожалуйста, Елена Васильевна, я его жду.

Кормухин знал по имени-отчеству всех консьержек, уборщиц и сантехников, работающих в их доме. Это не было бравадой. Детство его было тяжёлым. Голод, холод, нужда...

Отец погиб на фронте, и мать, чтобы прокормить их троих, вкалывала, кажется, в четырёх или пяти местах, и всё равно, денег не хватало ни на что. С двенадцати лет он узнал, что такое тяжкий труд.

На лестнице внизу звякнула дверь лифта и отозвалась за окном далёким и торопливым постукиванием трамвая. Пам,

трата-там, тра-та-та... натуральный Глинка...

Причалов оказался модно одетым мужиком, лет пятидесяти, длинным и ужасно худым. Как бы сказали в детстве, «глиста во фраке». На шее у него был повязан то ли платок, то ли кашне, а может быть, бант. Протягивая руку, он улыбался, обнажая ряд крупных, цвета слоновой кости, зубов. «Наверное, протезы», – подумал Кормухин, и поймал себя на мысли, что и ему давно пора пройти эту экзекуцию, вставить, наконец, зубы. Надежда уже все уши прожужжала: «Иди к стоматологу, иди к стоматологу! Ты же публичный человек, часто появляешься на экране телевизора, а как откроешь рот, так хоть в обморок падай, какая у тебя там... какофония!» Скажет же иногда: какофония... но ведь, послевоенное детство, авитаминоз... однако зубы, конечно же, давно пора вставить. Ох...

– Ну, так что... чаю? А может быть кофе? – спросил Кормухин, приглашая гостя в кабинет.

– С удовольствием выпью чашечку, – ответил Причалов, усаживаясь в глубокое кресло и расстёгивая портфель.

– Может быть, тогда и коньячку с дороги?

– И коньячку, но только чуть-чуть, – Причалов приложил

руку к сердцу. – Пошаливает что-то пламенный мотор.

Оставив гостя, Валентин Иванович ушёл на кухню, где продолжительное время возился с нехитрой сервировкой, готовя чайную церемонию. Уж очень его впечатлила поездка в Японию от союза композиторов пятилетней давности. С тех пор одни только чайные церемонии. Это, когда дома жена.

– Кстати, Всеволод...ой, простите, Эдуард, вы бывали в Японии?

– Вот в Японии, к сожалению, не был. Я всё больше поближе к полюсу: Игарка, Таймыр, Северная Земля...

– Удивительные люди, эти японцы. Всё время по самому разному поводу церемонятся. Если пьют чай, то обязательно церемония, если готовят сасими, то уж такая церемония!

– Знаете, какой у меня самый любимый японский коктейль? – перебил Причалов, поднимая рюмку с коньяком.

– Любопытно?

– «Самурай в собственном саке»!

Кормухин улыбнулся. Этот Причалов действительно большой шутник.

– Как вы сказали? Самурай в саке?! Смешно. А в Китае вы были?

– В Китай заходили...но я тогда ещё бегал вторым штурманцом .У них ещё были эти...хунвейбины. Но теперь всё иначе. Идут в гору.

– Капитализм, – поддакнул Кормухин.

– Помнится, история у нас произошла в Порт-Артуре. У старпома спёрли чемодан со всеми судовыми документами. Он, что называется, в дугу, то есть в стельку после посещения достопримечательностей. Останавливает рикшу. Туда-сюда, дескать, в порт. Рикша ему: «якше-якше». Утром просыпается у себя в каюте: чемодан с документами – тю-тю.

– Это же трибуналом пахнет?! – удивился Кормухин.

– Капитан в шоке, первый помощник, тот, что особист, орёт, чтоб к утру документы были! Иначе сам здесь навсегда останешься, рикшей! А как их найдёшь? Рикши-то все на одну рожу...

– И чем же всё кончилось?

– А как обычно, проставились, кому положено, и вся церемония...

Причалов, отхлебнул кофейку, неторопливо снял глянцевою обёртку с конфеты «мишка на севере», повертел в руках бутылку марочного коньяка, затем налил всё же половину рюмки.

– Эх, жаль, врачи больше не велят!

– А как называется сценарий к новой картине? – Кормухин надломил печеньё.

– Рабочее название: «Подводная часть айсберга»...

– Позвольте... это про «Титаник»? Недавно в Доме кино показывали английскую, или американскую версию. Жуткое зрелище, я вам скажу...

– Это у них, у буржуев, жуткое зрелище. А у нас будет вполне миролюбивая картина. Середина войны. Немецкие субмарины пускают на дно транспорты с продовольствием, наши тральщики очищают от мин Баренцево море....

– Миролюбивая?! – усмехнулся Кормухин и поправил ро-
говые очки.

– Я принёс краткое изложение. Если угодно, синопсис
сценария. В полном-то виде он находится у Рагушкина, но
через три дня обещали сделать копии.

Композитор развязал тесёмки на картонной папке и об-
наружил стопку аккуратных машинописных листов.

– Главных героев – четверо: два мальчика и две девоч-
ки, – продолжал Причалов. – Есть предварительная дого-
ворённость с актёрами. Э-э...с Туманишвили, Горшковой и
Зотовой, а Перевозчиков пока ещё думает.

– Да какие же они мальчики и девочки!? – изумился Кор-
мухин. – Горшкова может быть, с натяжкой, ещё и подойдёт.
Но Зотова? Да, помню, лет до сорока она ходила в травести,
но сейчас-то ей уже за пятьдесят! А уж Перевозчиков...

– Вы меня не поняли. Естественно, на детские роли Ра-
гушкин возьмёт подростков, но основное действие картины
развернётся, когда главные персонажи достигнут зрелости.
А Зотова вообще, не причём. Она будет играть маму Горш-
ковой.

– Я посмотрю текст, – сказал после паузы Кормухин. – Когда дать ответ?

– Желательно в конце этой недели. Время, цигель-цигель, сами понимаете...

Они ещё немного поговорили, вспоминая послевоенное детство, голодное отрочество и бесшабашную юность. Затем стали прощаться.

– Чуть не забыл, – спохватился Причалов, – Буквально пару звонков. Ничего, что один будет междугородний, на Мосфильм?

– Да сколько угодно.

– Я обещал после нашей встречи сразу доложить Рагушкину.

Голос у режиссёра Рагушкина был звонок, но слегка шепелявил.

– Ну, так что, Валентин Иванович, понравилась вам идея Эдуарда Всеволодовича?

– Идея-то понравилась, но я не очень уверен в её реали-

зации, знаете...

– Бог с вами, Валентин Иванович! Посмотрите старые наброски, сочинения. Мне ли вас учить?

– Ну, хорошо, посмотрю. Собственно, мы с Всеволодом...вернее, с Эдуардом Всеволодовичем обо всём уже договорились.

– Тогда и ладушки. До встречи. Верните, пожалуйста, телефон Эдику.

Кормухин отдал трубку. Причалов стал быстро говорить про военных консультантов, скалы, горизонт и айсберги. В конце концов, договорились с Рагушкиным, что встречаются через две недели в Одессе, где вместе будут выбирать натуру.

– Не в посёлке же Рыбачий... – Причалов подмигнул Кормухину, – Будем снимать батальные сцены. На холодрыге?!

– «Интересно»...– подумал Кормухин, закрыв за писателем дверь, – «Причалов, Причалов... Вероятно, псевдоним... надо бы посмотреть его книги».

Затем вышел на балкон. Щурясь от солнца, он разглядел на улице длинную и нескладную фигуру, махнувшую ему на

прощание портфелем.

Через два дня Кормухин был уже в Комарово. Когда после ужина они пошли с женой прогуляться к заливу, он сказал:

– Ты не поверишь, Надя! Знаешь, с кем я позавчера познакомился? С Эдуардом Причаловым!

– С Причаловым?! Он, что, был у вас в консерватории?

– Представь, нет. Он был у нас дома.

– И о чём же вы беседовали?

– О его новой картине. Вернее, о предстоящей картине, которую будет снимать...ты опять, не поверишь: режиссёр Рагушкин!

– Рагушкин?!

– Да. И они предложили мне писать к новой картине музыку. У меня уже есть некоторые мысли...тира...тари-ра-ри-ра-рара...

– Ты меня заинтриговал, Валя!

– Послушай, я не мог найти его рассказы. Может быть, они здесь, на даче?

– Надо посмотреть, может быть, и здесь. А какое у картины будет название?

– "Подводная часть айсберга". Немного экстравагантно, правда?

Когда вернулись с прогулки домой, Надежда быстро разыскала книгу морских рассказов Причалова.

– Эх, жаль, нет на обложке фотографии автора, – сказал Кормухин, раскрыв книжку. – Кстати, ты его когда-нибудь видела?

– Один, или два раза. Кажется, по телевизору, и на встрече с читателями.

– Какой же он длинный и тощий!

– Причалов?! Он совсем невысок, даже скорее мал, и широкоплечий такой...

– Да нет, вечно ты всё путаешь. Говорю же, длинный и тощий. С каким-то бантом на шее. Я ещё подумал, что это

специальный такой морской воротник...

– Так, Валя... Кто у тебя был?!

– Причалов...

– Срочно собираемся домой.

На электричке, от Комарово до Финляндского вокзала, – меньше часа езды. Вскоре супруги Кормухины были уже дома. Проверив шкатулку с деньгами и ценностями, Надежда немного успокоилась. Всё было на месте.

– Странно... Незаметно от консьержа, в квартиру не попадёшь. Ограбление исключается. Пока что.

– Да вечно ты всё преувеличиваешь! Какую-то кражу со взломом выдумала... вот Причалов-то удивится!

– Я ничего, представь себе, не выдумала! Это ты впустил в дом неизвестно кого. Господи, чего же нам теперь ожидать?!

– Звонка.

– Какого ещё звонка?!

– Они обещали через неделю позвонить, когда будем подписывать договор...

Через неделю, действительно, позвонили. Но не писатель Причалов с режиссёром Рагушкиным, а следователь. Он разложил на столе несколько фотографий и спросил Кормухина:

– Узнаёте кого-нибудь?

На одной из фотографий был Причалов, но ещё более тощий и стриженный.

– Затрудняюсь, знаете ли. Хотя, этот гражданин напоминает мне писателя Эдуарда Причалова.

– Всё ясно, Валентин Иванович, под видом писателя-мариниста выпустили в дом известного мошенника по кличке «Циркуль». Мы его пока что не задержали, но это вопрос времени.

– Надо же! А на вид такой порядочный... и, главное, что меня очаровало, это его подлинность...

– Чего-чего, а подлинности ему не занимать. Всё по Станиславскому. И ещё, Валентин Иванович: давали ли вы Цир-

кую какие-либо деньги займы?

– Дал небольшую сумму... – Кормухин покосился на жену, – Рублей пятьдесят...

– А точнее?

– Теперь уже и не вспомню. Может быть, восемьдесят...

– Я так и знала!

Следователь попросил жену подождать в коридоре, и спросил более твёрдо:

– Так какую сумму вы дали Циркулю?

– Восемьсот рублей.

– Хороший куш. Вы – восемьсот. Альбина Горшкова – триста, Клара Попова – четыреста.

– А Туманишвили? – зачем-то спросил Композитор.

– Туманишвили был на съёмках. Кстати, как раз у Рагушкина. Только кино там у них не про айсберги, а про Мыс Доброй Надежды. Мы проверяли.

– Понимаю...

– Правда, даже и не знаю, успокою вас, или огорчу, – продолжал следователь. – Но лидером, в смысле суммы данной Циркулю займы, оказались не вы...

– А кто же? – удивился Кормухин.

– Наш ветеран кинематографа народный артист Николай Перевозчиков. Ему так понравился сценарий, что полторы тысячи отвалил за роль старого боцмана!

Спустя несколько лет, Кормухин познакомился с настоящим писателем Эдуардом Причаловым. Это оказалось его подлинное имя. Во время блокады потерялись метрики и в детдоме годовалому мальчику дали новое имя – Эдуард Причалов. Вот и не верь в судьбу. Знаменательная встреча произошла в Мариинском дворце на церемонии награждения деятелей культуры Ленинграда.

Причалов сам нашёл Кормухина. Он был крепок и невысок ростом, светлые голубые глаза излучали несокрушимую волю и мальчишеское озорство.

По-военному представившись, он отозвал Кормухина в сторонку.

– Пойдём, композитор, выпьем. Я ведь перед тобою в большом долгу...